Рукопись, найденная на руинах дома в древней Мексике

ОМ

ОМ
Рукопись, найденная на руинах дома в древней Мексике

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69710377
SelfPub; 2023

Аннотация

Существует тринадцатая книга Кастанеды или нет – важно ли это? Разве можно быть плагиатором сказки, где по замыслу может происходить всё, что угодно? Разве можно быть плагиатором такого произведения, которое утверждает, что уловка – стала сущностью магии? Которое указывает, что события, описанные там, и даже идеи – не столь важны, как важно передать людям вдохновение, озарение, настроение тайны бытия?Как можно подделать произведение где написано: «Если бы решение молодого человека было осознанным и если бы он готов был за него ответить, – сказал дон Хуан, – он оставил бы еду, которая была в кувшинах, себе и был бы этим более чем доволен. А может, ему бы даже удалось понять, что эта еда тоже была силой» (КК, кн. 3).

Содержание

ВВЕДЕНИЕ 4
ГЛАВА 1. СМЕНА ЭПОХ 6
ГЛАВА 2. СТАЛКИНГ ВЫСШИХ СИЛ 14
ГЛАВА 3. ПРАВИЛЬНЫЙ ДЬЯВОЛ 22
ГЛАВА 4. ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ 30
ГЛАВА 5. МЕЧТА 39
ГЛАВА 6. РАЗГАДКА ТАЙНЫ ДУБЛЯ 50
Конец ознакомительного фрагмента. 63

ОМ
Рукопись, найденная на руинах дома в древней Мексике

ВВЕДЕНИЕ

Я, Карлос Арана Кастанеда, 1935 года рождения, летописец эпохи разума, должен довести до конца то, что начато не мной, и даже не людьми – несколько тысяч лет назад.

Мои предыдущие книги всегда были подробными отчетами, в которых я описывал ученичество у дона Хуана – индейского мага из Мексики. Дон Хуан хотел, чтобы я понял и усвоил понятия и практические методы, бывшие для меня совершенно чуждыми. Поэтому мне не оставалось ничего другого, как только представить его учение в виде повествования о том, что происходило, ничего не изменяя и не добавляя от себя. Само собой, что простой хронологический пересказ не вместил бы смысла того, что я должен был передать. Вместо новых событий можно лишь представить новое осмысление прежних – с точки зрения повышенного уровня осознания. Введение новой координаты роста осознания де-

лает нашу самую обыденную жизнь неисчерпаемым источником новизны.

Само собой, что нагуаль удержал всё взвешенным, когда я топорно «ушел из жизни», наскоро сляпав некоторые обстоятельства. Все, кто хотел моей неудачи, поверили. Это и было целью маневра, который я же и упомянул в своих работах. Все члены моей партии поступили аналогичным образом, кроме Кэрол Тиггс. До конца дней нам следовало жить в доме нагваля Хулиана.

Несмотря на то, что мои отчеты и ранее были ошеломительны для меня самого, но то, что я не мог упомянуть в них, по своей несоизмеримости не подходило даже туда, рискуя свести всю мою тщательную работу к бормотанию сумасшедшего. Чтобы привести всё к обыденному синтаксису, потребовалось еще 20 лет скрупулезной работы по соединению вспоминаний, отрывочно разбросанных по моим книгам.

2019 год.

От «редакции»: вынуждены выделять курсивом и указывать номер книги Кастанеды (например: КК, кн.7) в тех местах текста, которые уже были в изданных книгах, чтобы роботы-поисковики не распознали «заимствованный контент», но таков изначальный смысл изложения – показать версии памяти разных уровней осознания и связь между ними.

ГЛАВА 1. СМЕНА ЭПОХ

«В тот день мы находились в доме, где жила команда нагваля.

– Пойдем-ка прогуляемся, – сказал дон Хуан, положив руку мне на плечо. – Или нет, лучше идем на площадь – там как раз полно народу, – сядем на скамейку и потолкуем.

Я был несколько удивлен, так как находился в доме уже пару дней, но он со мной практически не общался, разве что поздоровается, и все.

Я последовал за ним, и в молчании мы дошли до городской площади. Когда мы сели на скамейку я спросил, о чем мы будем говорить»;

– Мы продолжим разговор, начатый некогда в Оахаке, – ответил дон Хуан. – От тебя потребуется полное напряжение всех твоих сил и огромная устремленность в осуществлении сдвигов в одну и в другую сторону между уровнями осознания. Иначе объяснения тебе не понять. Поэтому на время нашей беседы я требую от тебя полнейшей концентрации и настойчивости.(КК, кн. 7).

Мы будем обсуждать твое личное будущее. Я не раз говорил тебе, что ты являешься замыкающим звеном нашей линии. Но это не совсем так. На самом деле наша линия, состоявшая из четырнадцати нагвалей, не единственная, а последняя из серии четырех магических линий, существовав-

ших в эпоху разума.

Почти жалобно я сообщил ему, что он перегружает меня ответственностью и ставит меня в неловкое положение, заставляя ощущать изрядное неудобство. Дон Хуан взглянул на меня, вскинув брови. По губам его пробежала усмешка, которая тут же исчезла.

– Всему виной твое чувство собственной важности, – подмигнув, сообщил он. – Чувство собственной важности – главнейший и самый могущественный из наших врагов. Подумай вот о чем: с одной стороны, наше чувство собственной важности заставляет нас чувствовать себя никчемными в моменты нашего величия, в моменты открытия шанса, но с другой – заставляет верить в свое величие там, где наши мелочные притязания не стоят и гроша. Каждый человек на этой планете – великий кухонный маг! – глаза дона Хуана заискрились, и я подумал, что он, похоже, вот-вот рассмеется.

Новые видящие рекомендуют направить все возможные усилия на обеспечение адекватности жизни воина. Когда происходят великие события, нужно уметь быть величественным ровно столько и настолько, насколько велико событие. Но в повседневной жизни среди мелочей необходимо быть непосредственным, подобно ребенку, а если это вдруг невозможно, то нужно уметь быть смешным. Этот порядок действий привлекает силы на нашу сторону.

«Он обратил мое внимание на двух пожилых дам, только что вышедших из церкви. С минуту они постояли навер-

ху гранитной лестницы, а затем начали осторожно спускаться, отдыхая на каждой ступеньке.

– Внимательно следи за этими женщинами, – сказал он. – Но рассматривай их не как людей, а как тонали. Женщины, держась друг за друга, дошли наконец до конца лестницы и опасливо пошли по гравийной дорожке, как по льду, на котором они в любой момент могли поскользнуться.

– Смотри на них, – тихо сказал дон Хуан, – трудно найти тональ более жалкий, несмотря на то, что они якобы верят в высокие силы и готовы наорать на каждого, кто не перекрестится, войдя в храм.

Обе женщины были тонкокостными, но очень толстыми. Им было, пожалуй, за пятьдесят. Вид у них был такой измученный, словно идти по ступенькам церкви было выше их сил.

– Смотрите под ноги, дамы! – драматически воскликнул дон Хуан. Они взглянули на него, явно смущенные этим выпадом.

– Моя мать однажды сломала здесь правое бедро, – сказал он и галантно подскочил к ним, помогая преодолеть ступеньку.

Они поблагодарили его, а он участливо посоветовал им в случае падения лежать неподвижно, пока не приедет скорая помощь. Женщины перекрестились.

Дон Хуан вернулся и сел. Его глаза сияли.

– Эти женщины не настолько стары и слабы, однако же

они – инвалиды. Все в них пропитано опасением – одежда, запах, отношение к жизни. Как ты думаешь, почему?

– Может, они такими родились?

– Нет, такими не рождаются – такими становятся» (КК, кн. 4). . Они методично действовали вопреки Силам, движущим нас по жизни, и именно поэтому у них всё получилось именно так, как они и хотели. Как хотел их разум. Но не тело. Твой разум должен договориться с телом, учитывая потребности друг друга, и только тогда можно достичь наилучшего результата. Твое тело будет учить ум, а ум – тело.

– Но дон Хуан, ты так говоришь об уме и теле, будто имеется некая третья часть, – возразил я.

– Имеется, – сообщил он. – Но говорить о ней мы сейчас не будем. Мы еще и не начали разговор, ради которого я тебя позвал.

Он сменил тему, сообщив мне, что знаки указывают на близость новолуния и говорят о том, что продолжить беседу мы должны у него дома – либо в большой комнате с удобными креслами, либо на заднем дворике, окруженном крытой галереей. Дон Хуан объяснил, что когда он кому-нибудь что-либо объясняет в одном из этих двух мест, никто другой туда не входит.

Мы вернулись в дом, по дороге я расспрашивал его о характеристиках лунного цикла, но так как на ходу писать я не мог, то всё забылось.

Мы сели, и дон Хуан начал объяснять. Эпоха безмолвного знания длилась 2352 года, ровно столько же продлится и эпоха разума. И она в настоящее время близится к концу.

– По сути, ты, – сказал дон Хуан – являешься последним нагвалем уходящей эпохи, по крайней мере, это касается конкретно нашей линии магов. Однако должен сказать тебе, отбросив всякую ложную скромность, что наша линия как бы является центральной для всего человечества. Так уж вышло, что мы с тобой – ключевые фигуры человечества, если ты понимаешь, о чем я говорю, – он загадочно замигал и многообещающе закивал с видом рекламного агента, затем состроил многозначительное лицо главы государства и захохотал. Он сложился пополам. Он почти рухнул на землю. Два-три раза он пытался что-то сказать мне, но в конце концов просто повернулся и двинулся прочь, то и дело сотрясаясь всем телом в приступах гомерического смеха. Я сидел ошеломленный.

Вернувшись, он сказал, что смешным здесь является то, что самый захудалый сектант говорит ровно то же самое. Такова шутка Орла.

– Маги передают свои знания, это единственный способ дойти до конца, освободив себя от груза, передать его в руки нуждающихся, – продолжил он. – Каждый нагваль нашей линии, включая меня, так и делал. Но у тебя, Карлитос, не будет преемника в лице нового нагваля. Поэтому ты рискуешь не обрести полное знание. Тут твой маневр с написанием

книг оправдывает себя. Мы с Хенаро тебя высмеивали, лишь возбуждая в тебе твою страсть к записыванию и обнародованию записей. Также мы делали это для того, чтобы несколько умерить эту страсть, которая была ничем иным, как командой Орла. Именно так и завершается эпоха, насколько мы знаем теперь: тайные знания передаются всем, кто захочет слышать, освежая кровь будущих линий. Новые нагвали, которые примут вызов, подхватят это знание, чтобы организовать новые линии. Мы назвали это время – временем открытого текста. Когда оно закончится, никто не знает, но предположу, что оно продлится 84 года, видимо, начиная с 1960-х. 84 года – это день для эпохи. И это же – время жизни одной партии магов в линии. Однако, – пояснил он, – все устроено так, чтобы партии сосуществовали одновременно полсрока своего существования. Поэтому за 588 лет существования линии получается не семь партий, а четырнадцать.

Я лихорадочно строчил, обливаясь потом от одной мысли о том, что завтра я всё это забуду, а записи уже сегодня положат в сейф Сильвио Мануэля, как они делали всегда, когда дело касалось информации, которая могла мне навредить в первом внимании.

Как бы читая мои мысли, дон Хуан сказал, что когда и если эти записи будут мне нужны, я их найду. Впоследствии так и вышло, но это оказалось уже в то время, когда я умер для социума. Тем не менее, придерживаясь неуклонности своего стремления ответственно и эффективно закончить

начатое, я пишу эти строки и безмолвно знаю, что когда и если эти записи станут нужны, их найдут те, кому они предназначены.

– Послушай, дон Хуан, что это будет за эпоха?

На это дон Хуан ответил.

– Мы не знаем. Пути Орла неисповедимы. Но я говорил тебе не один раз: вставший на путь знания должен обладать огромным воображением. Насколько развито воображение, настолько ты ви́дишь. Ты уже сейчас мог бы понять, что эта эпоха будет третьей и последней для людей.

– Люди исчезнут?

– Нет, но из них уйдет намерение, дух, чтобы перейти в некие иные формы. Так уже было не раз за время существования Земли. Они навсегда останутся формами, имеющими коллективное мышление по типу муравейника или роя пчел.

– Кто придет людям на смену? – я услышал свой голос со стороны, вся картинка вокруг стала еще более цветной и объемной.

Я смотрел на дона Хуана, и он молчал, но в ушах у меня четко раздался его голос.

– Нечто на основе кремния, как человек существует на основе углерода.

Это был голос видения.

Дон Хуан понял, что с меня достаточно и сместил мой уровень осознания.

… «*Неожиданно я почувствовал, что теряю почву под*

ногами и с отчаянием попросил его объяснить, что же я должен понять. Дон Хуан громко рассмеялся.

– Взгляни-ка лучше на этого парня в зеленых штанах и розовой рубашке, – прошептал он» (КК, кн. 4). …

ГЛАВА 2. СТАЛКИНГ ВЫСШИХ СИЛ

Прошло несколько месяцев. За все это время дон Хуан ни разу не вернулся к теме смены эпох.

– Религиозные люди на самом деле не любят бога. Если считать богом те силы, которые нас ведут, само собой. Но тогда кого же они любят на самом деле, как ты думаешь? – язвительно спросил он.

Я ощущал некоторое неудобство, и это заставило меня вступить в спор. Я заявил, что его указания несколько кощунственны, и что после того, как мне всю жизнь долбили о греховности и грехе, эта тема была для меня болезненной.

– Любить бога – значит отдать ему всё свое время и силы, – произнес дон Хуан, не давая мне места для отступления. – Не так, как делают обычные люди по нескольку часов в воскресенье. Для воина связь с богом или духом, абстрактным, нагвалем – не принцип, а чисто стратегический вопрос. «*Твоя ошибка заключается вот в чем: то, что я говорю, ты рассматриваешь с точки зрения нравственности.*

– И я действительно считаю тебя человеком высоконравственным, дон Хуан.

– Ты просто заметил мою безупречность. И это все, – произнес он.

– Безупречность – не более чем адекватное использование энергии, – сказал он. – И все, что я говорю, к вопросам морали и нравственности не имеет отношения. Но чтобы понять это, тебе необходимо самому накопить достаточное количество энергии» (КК, кн. 7).

– Вокруг нас нет греха или осуждения. Есть лишь законы, по которым течет энергия. Видящий автоматически становится безупречен, следуя течению энергии, – продолжил он. – Но ты не заметил моего вопроса: кого люди любят на самом деле? Смотри: если высшая Сила, полезная для нас требует определенных шагов, то не совершая их, мы всегда попадем мимо силы, то есть в слабость. Всё, что делает нас слабыми не стоит относить к богу, не так ли, Карлос? Отнесем это к дьяволу, это же понятия религиозных людей, давай будем говорить на их языке.

– Человек, не проявляющий интереса к богу, обязательно проявит его к дьяволу потому, что интерес нельзя удержать в коробке, – он использовал непереводимую испанскую идиому. – Так уж вышло, дорогой, что все в этом мире стоит вверх дном.

Несмотря на отсутствие интереса к богу, каждый из таких людей, при случае, легко вступает в богословские или эзотерические споры, готов убить за свое мнение. Ты, Карлос, не первый и не последний, кто попал в эту секту. Главным правилом этой секты является табуирование подобных ключевых вопросов. Вот поэтому тебя сейчас и трясет, даже

несмотря на то, что ты уже находишься в повышенном осознании.

И точно, я не заметил, как сдвинул свою точку сборки.

– Как видишь, твоя религиозность все-таки послужила на пользу твоему обучению, – дон Хуан чуть не задохнулся от смеха.

Довольно долго мы молчали. Мне хотелось обдумать сказанное доном Хуаном. Неожиданно он заговорил:

– Все что больше нас, отражает нас самих, подобно зеркалу. Поэтому большему мы приписываем свои собственные свойства. Не умея безлично понимать зло и беду, мы разделили и бога надвое. Расчленили на бога и дьявола. Все, что нам кажется недопустимо плохим, – мы приписываем дьяволу, а приемлемое – богу. Но кроме бога здесь никого нет, иначе – не бог это. Так уж вышло, что половина людей чтит богом – дьявола, перепутали по неведению, купившись на легкость его достижения, а другая считает дьяволом всевышнего бога, обвиняя его в несовершенстве. Согласно мифологии дьявол – это некое существо, не принявшее бога. Вот твои прежние друзья и есть такие существа.

– Но я не могу с этим согласиться! – вскрикнул я.

«– Окружающие нас люди являются черными магами. А поскольку ты с ними, то ты тоже черный маг. Задумайся на секунду, можешь ли ты уклониться от тропы, которую они для тебя проложили? Нет. Твои мысли и поступки навсегда зафиксированы в их терминологии. Это рабство. А

вот я принес тебе свободу. Свобода стоит дорого, но цена не невозможна. Поэтому бойся своих тюремщиков, своих учителей. Не трать времени и сил, боясь меня.» (КК, кн. 4).

Я вспомнил, что уже слышал, словно во сне, как женский голос говорил мне нараспев: «Девяносто девять процентов людей – одержимые, чуть ли не зомби, поскольку не имеют своей (божьей) воли, выполняя чужие воли. Не принятый бог – это значит, что человек имеет валентность, свободные концы, и на эти концы неизбежно кто-то пристраивается. Ясно кто. Бог как бы не заинтересован нас защищать, поскольку он заинтересован в нашем свободном выборе, и все сделано так, что должны быть заинтересованы мы. Но поскольку сами мы состоим из бога, то «так же, как и он» выпендриваемся, мол, «ой, зачем нам этот бог? – мы даем ему свободу, ха-ха». Но это уподобление подобно тому, как один ковбой вытаскивает базуку, а другой шариковую ручку. Не в том мы положении. Богу богово. В общем, не принятый бог – это, прежде всего, сразу, одержание. Ну, конечно, не как в идиотских сказках про экзорцизм, но достаточно, чтобы перестать отдавать отчет о своих действиях. Так что, как говорится, если бы бога не было, его тут же следовало бы изобрести. Чтобы прикрыть наши уязвимые места», – я почти вспомнил, кому принадлежал этот голос…

– Продолжим разговор о смене эпох, – прервал дон Хуан мое вспоминание после некоторой паузы, и весело подмигнул, как бы разряжая мое гнетущее настроение.

То, что тебе следует знать на сегодня – видящий выслеживает высшие силы точно так же, как он поступал с собой, людьми, другими существами. Все эти выслеживания готовили его к главному – сталкингу духа. Нам важно узреть черты духа, чтобы стремиться к нему, а не от него. Всё не столь сложно ведь, это дьяволята – черные маги – всё усложнили.

Смотришь по сторонам, наблюдаешь: есть Солнце, Луна, Вода, Земля, сам человек сложно устроенный. Даже просто цветок с удивительной формой, цветом, с рождением, жизнью и смертью. Я, человек, не могу всего этого сделать (создать) и задаюсь вопросом: «кто мог такое сотворить?» Ответ как бы очевиден – что-то на порядки разумнее, чем я. А я могу только пользоваться уже созданным и то не всегда умело.

Он поправил ветку растения, растущего возле нас.

– Это правильный, изначальный путь поиска бога в нашей жизни. Самая простая логика приводит к богу, иначе как бы пришли к этому древние без науки и комфорта? Сложная логика состоит из комплекса простых логик, и если с простой логикой что-то не так – то всё превращается в болото, во враньё. Нельзя применять сразу сложную логику, надо копить простые логические ходы, основанные на внимательном наблюдении. Когда ты чувствуешь, что само так не могло произойти – значит – за этим кто-то стоит.

Это ведь просто. С помощью простой логики можно обнаружить тысячи логических ошибок у этих серьезных лю-

дей и даже признанных ими же писателей. Так зачем нам такая сложная логика «от лукавого», если все в ней путаются, не пройдя и двух шагов? Она пригодится уже после того, как простая логика будет безошибочна и исчерпает себя эффективно. Чаще всего сложная логика понадобится нам для того, чтобы вывести заблудших из псевдологических тупичков.

Я без труда понимал им сказанное, остро осознавая то, что он именно этим и занимался со мной – с помощью сложной логики он лишь выводил меня из тупиков, куда я забрался сам или с чужой помощью.

Он продолжил непринужденно.

– Заблудиться легко. Вот привыкает человек привирать: ну, вот немножечко совру, якобы понимаю, о чем говорю, на втором слове – опять совру. И так далее. Через 5 слов человек уже идет в обратную сторону. Врать не надо и не надо привыкать. Не надо бояться ошибиться, выглядеть некомпетентно. Во лжи человек выглядит максимально некомпетентно, позорно. Ему приходится лживо говорить или трусливо молчать. Не проще ли постараться узнать все же правду? Неужели не интересно? Не интереснее позора и трусливого молчания?

Воин прежде всего тот, – наставительно сказал дон Хуан, – кто не хочет быть трусливым и лживым даже перед самим собой. Он действует так, будто все его мысли и чувства известны духу, а это так и есть.

Я воодушевился как антрополог и спросил дона Хуана, не могу ли я осуществить сталкинг Высшего путем собирания признаков бога, с этой целью я подготовил постановочные вопросы:

1. чего хочет бог?
2. как отличить бога от небога?
3. есть ли что-нибудь кроме бога?
4. выгодно ли нам то, чего хочет бог?
5. при выполнении каких условий бога может не быть?

Таким образом, по моей идее, имея (месяц, год) эти вопросы перед глазами, я мог бы начать получать на них ответы. По мере того, как я говорил, я начал терять исходный импульс. В конце концов, я умолк, так как осознал всю несерьезность своей аргументации.

Дон Хуан сдержанно улыбнулся и сказал, что я могу делать что угодно, но очевидно, что я не могу в начале пути знать его конец.

– Основной темой этого формального разговора двух нагвалей является то, что видящий обязан рассматривать свои достижения с двух точек, с личной и безличной.

У меня непроизвольно открылся рот, он шутливо подбил мою челюсть пальцами кверху и продолжил.

– Непостижимые силы, ведущие нас, в то же самое время являются и живыми существами, и циклами безличной энергии. Возьмем, скажем, дух. Это живая сила, она на порядки живее, чем мы с тобой, однако с точки зрения течения энер-

гии, это такая же сила, как ее описывают ученые-физики. Для нас в обиходе она представляет собой множество своих проекций в виде циклов, подобных лунному. И это несмотря на тот факт, что одной из главных проекций духа является само время! Осознай: тот же цикл – это проекция проекции на проекцию! Тем не менее, каждая из подобных проекций является весьма вещественной для нас, настолько, что мы не осознаем её, а пребываем внутри неё. Мы тоже являемся одним из видов проекции духа, как и осознание, которым наделяют нас, тоже является такой проекцией.

Я понимал так же остро, как и тот факт, что мое понимание мне не поможет, даже в случае, если я вдруг запомню сказанное. Обычно такое раздвоение означало, что моя точка сборки начала возвращаться в состояние низкого осознания. Я знал это ощущение, будучи в повышенном осознании, но и в страшном сне мне бы не приснилось то, что я знал бы это в обычном мире…

… *«Я ничего не слышал. Дон Хуан резко встал, взял лампу и сказал, что мы перейдем под рамаду. Он вывел меня через черный ход и обвел вокруг дома по краю чапараля вместо того, чтобы просто пройти через комнату и выйти через переднюю дверь. Он объяснил, что нам важно дать знать о своем присутствии. Мы наполовину обошли дом с левой стороны» (КК, кн. 7).* …

ГЛАВА 3.
ПРАВИЛЬНЫЙ ДЬЯВОЛ

«Мы с доном Хуаном и доном Хенаро сидели за столом в доме дона Хенаро. Мы только что вернулись с окрестных гор, где собирали растения. Неожиданно дон Хуан сдвинул уровень моего осознания» (КК, кн. 7).

Я тут же завопил, не давая ему начать, то, что беспокоило меня на этом уровне осознания и изводило необъяснимой тоской на обычном.

– Дон Хуан! Но как такое может быть, чтобы все люди ошибались и, сами того не ведая, становились приспешниками дьявола? Как же Иисус Христос, Святая Дева Мария, маленькая Дева Гваделупская, святые? Неужели они все тоже дьяволы?

– Нет, напротив, все эти люди были магами и людьми Знания. Открою тебе по секрету, Иисус был нагвалем нашей линии, но не четвертой, а первой ее части. Он был изюминкой той линии магов, наподобие того, как и наш арендатор. Если сравнить время их жизни, от 33-го года до нашей эры по 1723 год, получится ровно три цикла по 588 лет. Только маги любят и принимают абстрактное, нагваль. Переворот случается при переходе информации от них к людям.

Именно мы, маги и видящие, особенно нового цикла, как

раз и занимаемся богоугодным делом. Но посмотри, что делают люди во главе с церковниками, считая магов исчадием зла. Пока ты в повышенном осознании я объясню тебе: они заблуждаются лишь потому, что проецируют свои чувства на обыденность. Но это энергетический факт: движение вверх к целостности себя лежит через нагуальную стадию, которая, как нам известно, является чистым воплощением женской, кошачьей природы, тьмы. Мы на пути к свету должны преодолеть тьму, вобрав ее в себя. Возьми вот Хенаро – его дубль соткан из тьмы. Целостность и означает простую вещь: тьмы и света должно быть ровно по половине. Ни один свет, ни одна тьма сами по себе не являются силой.

Я заявил, что ученые физики давно открыли, что любая сила основана на внутренней борьбе между ее полюсами.

– Вот именно! – сказал Хенаро и уснул.

А дон Хуан снова заговорил.

«– Вот наглядный пример: твое отношение к Хенаро. Для правой стороны твоего осознания, он уважаемый и внушающий страх маг дон Хенаро, человек, чьи непостижимые действия восхищают меня, и в то же время наполняют совершенно диким ужасом. Для левой же стороны моего осознания, он просто Хенаро, а иногда даже Хенарито, безо всяких «донов», мягкий и добрый видящий. И все, что он делает, так понятно и так соответствует тому, что делаю или пытаюсь сделать я сам» (КК, кн. 7).

Существует два типа черных магов. Первые – это те про-

столюдины, кто погряз в астральном болоте нелогичности и невнимательности, серые маги, не принявшие бога. А вторые – это те древние видящие, черные маги, умудрившиеся принять дьявола. Есть и третий вариант мага, правильный, когда воин физически естественно минует дьявольскую стадию на пути к богу.

«Переходный период является тем временем, в течение которого процесс обучения становится наиболее эффективным, а само обучение – самым глубоким. Но это также тот период, когда воин должен постоянно находиться под присмотром учителя, получая все необходимые объяснения. Иначе у него возникнут проблемы с самооценкой. Если он вовремя не получит соответствующих объяснений, то, окончательно перейдя в состояние левостороннего осознания, он станет великим магом, но никчемным видящим. Именно это произошло в свое время с древними толтеками. Жертвами соблазнов левостороннего осознания легко становятся женщины-воины. Они настолько подвижны, что могут сдвигаться влево практически без усилий. И зачастую это происходит слишком быстро, чтобы пойти на пользу» (КК, кн. 7).

Я сидел как завороженный. Дон Хуан продолжал мягко говорить, словно гипнотизируя меня.

– Система «бог-дьявол-человек» – не где-то там, каждый человек в потенциале все это в себе реально носит. И если рассмотреть самого правильного дьявола из этой системы –

это окажется дубль человека.

«Дон Хуан сказал, что фиксация на втором внимании двулика. Первое, самое простое лицо – злое. Так происходит, когда видящие используют искусство сновидения, чтобы фокусировать свое второе внимание на предметах, подобных деньгам и власти над миром. Второе лицо – крайне трудно достижимо. Оно возникает, когда воин фокусирует свое второе внимание на предметах, которых нет в этом мире, подобных путешествию в неизвестное. Чтобы достичь этого лица, воинам требуется предельная безупречность» (КК, кн. 6).

Простое злое лицо – это невоспитанный дубль, тот, который не слушается ни человека, ни духа. Как научить Дубль уму разуму? В библии как раз об этом и говорится, если читать ее правильно, ведь библию писали прагматичные маги и видящие.

Ну, например, про дубль: *«Иисус сказал им: Когда вы сделаете двоих одним, и когда вы сделаете внутреннюю сторону как внешнюю сторону, и внешнюю сторону как внутреннюю сторону, и верхнюю сторону как нижнюю сторону, и когда вы сделаете мужчину и женщину одним, чтобы мужчина не был мужчиной и женщина не была женщиной, когда вы сделаете глазА вместо глАза, и руку вместо руки, и ногу вместо ноги, образ вместо образа, – тогда вы войдете в [царствие]».*

Я выпучил глаза так, что Хенаро проснулся и детским го-

лосом спросил, пародируя меня: «дон Хуан, ты цитируешь библию!?»

– Я не раз говорил тебе, что для нас церковь являлась укрытием во все времена и многие видящие работали там, – напомнил он.

Принять дух значит подчинить себя и дубль ему, его целям. Наш личный дух – сразу на шаг вверх после Дубля. Он есть властитель нашей смерти и судьбы. До главного, всечеловеческого Духа там еще очень далеко. Духом мы называем всё то, что не воспринимается нашими органами чувств, но явно существует.

Запомни: воин, проходя половину пути, попадает в состояние, которое условно можно именовать правильным дьяволом. Этот человек по-отечески очень недоволен людьми-дьяволятами: он видит их лень, притворство, страх, зависть и прочее индульгирование и видит, что их надо нещадно пинать и понукать. И нет иных способов, кроме одного – предоставить их вечности. Просто предоставить их самим себе, предать их забвению, оставить их, устремившись к своей цели. Это очень жгучее чувство: сострадание, смешанное с одиночеством вечности, вселенская печаль. Дьявол – это взгляд главного человеческого Духа на человечество.

Я был ошарашен и понимал всё отчетливо, я увидел. Кто бы мог подумать, что прекрасная светлая мечта познать дух, повысить свой уровень осознания, воплотившись, может дать негативный эффект? Ну, не то чтобы прямо нега-

тивный. Но пропасть между воином и людьми становится неодолимой и до людей столько же, сколько до духа, тут реально физический выбор происходит, начинается путешествие в Икстлан.

Когда мы люди, то ответственность за человечество складываем на бога, и нам как бы легко. Мы думаем, что есть, конечно, плохие люди, но где-то, когда-то есть и хорошие. Но когда входишь в ту часть бога, которая как бы дьявол – физически – видишь, что его взгляд на людей еще более пессимистичен.

Никогда я не чувствовал себя таким разозленным и в высшей степени расстроенным.

Огонь, который жег меня, исходил изнутри. Его порождали гнев и бессилие. А как бы вы себя чувствовали, переживая за своего родного человека, если вы преодолели бушующий поток, а он делает это невыносимо медленно, теряя силы, тычется не туда, чуть не падает, иногда идет обратно? Что бы почувствовали?

Теперь я понял, что имел в виду дон Хуан, когда говорил мне однажды: *«Маги никогда никого не ищут, – ответил он, – А я был магом. Я поплатился жизнью за то, что не знал, что являюсь магом и что маги никогда ни с кем не сближаются. Начиная с того дня я принимаю лишь общество и заботу воинов, таких же мертвых, как и я» (КК, кн. 8).*

Хенаро оторвал меня от моих мыслей и сказал.

– М-да, только что ты узнал, что путь к богу лежит через состояние дьявола. Беда!

«Я объяснил ему, что моя дилемма, пожалуй, еще более сложна, чем ему кажется. Я сказал, что до тех пор, пока дон Хуан и дон Хенаро были для меня людьми, подобными мне, их высший контроль делал их образцом для моего собственного поведения. Но если они являются людьми, совершенно отличными от меня по сути, то я не могу больше воспринимать их как пример, а только как нечто чуждое и странное, подражать чему невозможно при всем желании.

– Хенаро – человек, – сказал дон Хуан ободряющим тоном. – Правда, он уже больше не такой человек, как ты, но это его достижение, и это не должно возбуждать в тебе страх. Если он другой, то тем больше причин восхищаться им.

– Но его отличие – это не человеческое отличие, – сказал я.

– А что же это, по-твоему, такое? Разница между человеком и лошадью?

– Не знаю, но он не такой, как я.

– Однако когда-то он был таким.

– Но могу ли я понять его изменения?

– Конечно, ты и сам меняешься.

– Ты хочешь сказать, что я разовью дубля?» (КК, кн. 4).

– Конечно! – в один голос прокричали доны

Дон Хуан поднялся с циновки, на которой мы сидели, по-

тянулся, выпрямив руки и ноги, и небрежно изрек: «Во вселенной есть лишь одно зло – невежество и кривость наших суждений».

Я настаивал на продолжении разговора. Он с улыбкой сказал, что мне нужно отдохнуть, поскольку высокая степень сосредоточения меня несколько утомила.

«В дверь постучали. Я проснулся. Было темно. Какое-то мгновение я не мог сообразить, где я и что со мной происходит. Ощущение было таким, словно какая-то часть моего существа затерялась где-то очень-очень далеко. Эта часть вроде бы продолжала спать, хотя я уже полностью проснулся. Сквозь окно в дом проникал свет луны, поэтому мне было видно все, что происходит вокруг. Я увидел, как дон Хенаро поднялся и пошел к двери. Я понял, что нахожусь в его доме. Дон Хуан по-прежнему спал на циновке, расстеленной на полу. У меня было явственное ощущение, что все мы втроем заснули сразу же после того, как, смертельно устав, вернулись с прогулки по горам. Дон Хенаро зажег керосиновую лампу. Я поплелся за ним в кухню. Кто-то принес ему кастрюлю жаркого и стопку лепешек. Я спросил.

– Кто это принес? У тебя что, есть женщина, которая готовит?…» (КК, кн. 7).

ГЛАВА 4. ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ

«– Это место кишит горными львами и другими кошками поменьше, – как бы между прочим заметил дон Хуан таким тоном, словно речь шла о какой-то самой обычной мелочи. Я мигом подбежал к нему. Он засмеялся». (КК, кн. 3).

«Дон Хуан внимательно посмотрел на меня и затем порекомендовал мне лечь лицом вниз на круглом валуне, по-лягушачьи растопырив руки и ноги. Я лежал так около десяти минут, полностью расслабившись, почти засыпая, пока не был выведен из этого состояния мягким, продолжительным, шипящим рычанием. Я вскинул голову, посмотрел, и волосы у меня встали дыбом. Гигантский темный ягуар сидел на валуне едва ли не в десяти футах от меня, как раз над тем местом, где расположился дон Хуан. Ягуар, обнажив клыки, свирепо смотрел на меня. Казалось, он сейчас прыгнет. Знаком дон Хуан велел мне спуститься с валуна и присоединиться к нему. Вдвоем мы вопили и хлопали в ладоши до тех пор, пока не решили, что прогнали ягуара прочь» (КК, кн. 8).

Я уже запечатлел две памяти об этом событии, но есть еще одна, привожу ее, минуя события первых двух. Пока мы уходили от ягуара, который в обычном состоянии был горным

львом, состоялся такой диалог.

– Дон Хуан, как так получается, что версии памяти претерпевают изменения при повышении осознания?

– На этот раз ты превзошел себя в искусстве задавать вопросы и задал действительно важный вопрос, касающийся относительности восприятия.

Он поправил воображаемые очки и тоном лектора произнес.

– Знаешь ли ты, что существует всего одно событие, которое, самоотражаясь, создает бесчисленное их количество? Все события твоей жизни можно так же рассмотреть как одно событие, но проблема в том, что ты сам можешь читать только его развертки по одной за один раз.

– Это похоже на коробку с фильмом? – спросил я.

– Да, можно сказать и так. Фильм уже снят и лежит в коробке, а твое осознание считывает его в определенной последовательности, понимая это как время своей жизни, – продолжил дон Хуан.

Ты должен уяснить, что движение вообще является способом осознания ухватить многомерность недвижимого сущего. Это не мир движется вокруг нас, это мы считываем развертки. И поскольку у нас не хватает энергии на то, чтобы считать их одномоментно, мы получаем иллюзию движения, перехода от одной развертки в другую.

Он прожестикулировал что-то неопределенное.

– Уж не хочешь ли ты сказать, дон Хуан, что на самом деле

жизнь это иллюзия?

Он, усмехнувшись, ответил.

– Если всё иллюзорно, то одна иллюзия иллюзорнее другой, и выбирая между иллюзиями, приходишь к тому, что всё это и есть реально.

– Но это не отменяет того факта, что мир иллюзорен! – не унимался я.

– Это долгий разговор, но скажу тебе так: когда иллюзорное существо живет в иллюзорном мире, то этот единственно возможный для него мир и есть реальность. Мы сейчас можем умереть от лап ягуара, и ты никак не сможешь изменить это. Главный признак реальности – это то, что ты не все можешь контролировать. Будь ты в обычном сне, ты мог бы все изменить. Сторонние силы – вот что характерно для реальности.

Вот это и относится к относительности восприятия – твоя собственная иллюзорность является мерилом того, что ты наблюдаешь. Если ты становишься реальнее, то и действительность становится реальнее.

– Но есть ли в этом преимущество? – спросил я, пытаясь извлечь хоть какую-то пользу из его тарабарщины.

– Конечно! – невозмутимо ответил он.

«Он сказал, что если бы в данный момент на нас обрушился камнепад, то он сумел бы предотвратить обычный эффект смерти от несчастного случая. Используя скорость движения своей точки сборки, он заставил бы себя

переместиться в другие миры или сгореть изнутри в доли секунды. Я же, с другой стороны, умер бы обычной смертью, раздавленный обломками скал, поскольку моей точке сборки не хватит скорости, чтобы вытащить меня» (КК, кн. 8).

– Таким образом, твоя иллюзорная реальность для меня является сном, из которого я могу просто проснуться. Но и моя реальность не менее иллюзорна, и в ней тоже есть смерть, но смерть в твоей реальности отличается от смерти в моей.

«Я заметил, что мне кажется, что маги просто изобрели иной способ умирания, и это не значит, что они могут отменить смерть. Он ответил, что все, о чем он до сих пор говорил, можно назвать управлением магами своей смертью. Они умирают лишь тогда, когда должны умереть» (КК, кн. 8).

– Это далеко не все, что тебе нужно знать об относительности восприятия, эта штука из самых заковыристых, поэтому сосредоточься на том, что я говорю твоему светящемуся телу, – приказал он сухо.

Приведу пример: если ты смотришь на белку, а тебе кажется, что это ворона, то зафиксировав образ вороны, ты начинаешь съезжать в мир, где белки – это вороны. Ты будешь в том же мире, но в другой его части. Попробуй сместить точку сборки, представив что-то нелогичное, абсурдное, при этом старайся, чтобы нелогичное стало логичным, а то, что было логичным сейчас, становилось менее логичным.

Я сел на валун и стал делать абсурдом то, что я сидел с человеком знания в пустыне на планете Земля, а в кустах нас поджидал ягуар – это было несложно. Я увидел то, что повергло меня в шок, но, к сожалению, не все осталось в памяти, и многое нельзя объяснить словами. Я видел, как все одновременно удаляется и приближается, при этом оставаясь на месте, потом все начало исчезать, словно унесенное этим странным ветром, и сам я растворялся до тех пор, пока не остались только глаза. Я увидел что-то симметричное во тьме, это была гигантская конструкция, состоящая из маленьких пузырьков янтарного света. Она напоминала колесо или штурвал корабля. Маленькие пузырьки наполняли шары побольше, и эти шары тоже сливались в еще большие, все это было недвижимо, но двигалось как-то иначе, не в пространстве.

Вдруг я вспомнил случаи, когда подобное дон Хуан проделывал со мной в обычном состоянии, используя тряпку, палку, туман. Это выбросило меня из видения и вообще из состояния повышенного осознания.

«Дона Хуана я не видел. Грызуны визжали все громче. Постепенно стемнело настолько, что я едва угадывал общие очертания местности. Вдруг послышались мягкие шаги и приглушенное кошачье дыхание, а потом раздался очень мягкий рык. Грызуны замолкли. И тут прямо под деревом я заметил темную массу звериного тела. Прежде, чем я смог рассмотреть зверя и убедиться в том, что это – горный

лев, он бросился на ловушку. Но добежать до нее не успел: что-то обрушилось на него сверху, и он отскочил. Я швырнул свою сетку, как велел дон Хуан, но не попал. Однако шума наделал много. Тут дон Хуан издал несколько жутких пронзительных воплей, от которых по спине у меня побежали мурашки. Кошка с невообразимой ловкостью метнулась через площадку и скрылась» (КК, кн. 3).

«Мое тело тряслось, но это был не испуг. Я сказал дону Хуану, что самым страшным теперь мне кажется не рычание огромной кошки и не ее взгляд, но ощущение, что ягуар наблюдал за мной задолго до того, как я услышал его и поднял голову» (КК, кн. 8).

Дон Хуан осмотрел меня с головы до ног. Я поспешил рассказать, что видел. Он сказал, что я видел колесо времени, человеческую полосу эманаций. Я спросил его о пузырях, он сказал, что мне будет достаточно для первого раза знать, что колесо времени состоит из огромного количества судеб, наполненных ситуациями и существами.

– Мы с тобой были где-то в одном из пузырей, которые ты видел, – продолжил он. – С помощью видения тебе удалось сместиться в область стороннего наблюдателя, и это знак, что нам следует продолжить урок относительности восприятия.

Смещение точки сборки происходит в пространстве осознания. Любая ее фиксация вызывает к жизни геометрическое пространство мира. Таковы свойства точки сборки. На

самом деле, если наблюдатель занимает только одно место в пространстве наблюдения, то он видит вокруг себя уникальные, отличные друг от друга предметы и объекты. Это и есть картина мира обычного человека. Все, что ты видишь вокруг – это одна точка пространства осознания. Если же представить, что ты можешь двигаться в этом пространстве, то актуальным для тебя будет правило: всегда находится такая позиция наблюдателя, при которой любой предмет или объект может быть любым другим предметом или объектом. Это картина мира видящего. Более того, мы сами претерпеваем изменения при перемещении:

«Мы представляем собой энергию, которая принимает соответствующую форму и находится в нужном месте благодаря фиксации точки сборки в некотором определенном месте. Если это ее положение изменяется, то и форма, и местонахождение энергии изменяются соответственно. Для этого нужно лишь поместить нашу точку сборки в необходимое место, и мы сразу превращаемся в пулю, ботинок, шляпу или все что угодно» (КК, кн. 9).

– Ты должен уяснить, что свобода движения точки сборки позволяет нам путешествовать и превращаться. Но самое главное не это. Мы должны двигаться к свободе от этой иллюзии, которая существует лишь для того, чтобы мы получили точку опоры. Сегодня ты бросил взгляд на дух, ты видел эманации Орла, вернее ту их часть, которая составляет всё, что человек может получить в своем человеческом состоя-

нии. Но этот мимолетный секундный взгляд лишь начало, и ты должен учитывать, – он перешел на строгий тон, – что именно я позволил тебе при участии силы узреть это. Тебе нужно накопить энергию среди своей обычной иллюзии.

Я испытал щемящее противоречивое чувство: смесь восторга и самосожаления, невозможность сохранить то, что я видел, и в то же время, понимание, что все это есть во мне, в каждом из нас.

Мы благополучно сбежали от ягуара в обеих версиях событий.

«– Сегодняшний сдвиг тобой собственной точки сборки с помощью намерения – твое самое большое достижение, – сказал дон Хуан, – но достижение – это нечто личное. Оно необходимо, но не является чем-то важным. Оно не является той целью, к которой стремятся маги.

Я полагал, что знаю, чего он хочет. Я сказал ему, что не совсем забыл происходившее со мной. В нормальном состоянии моего осознания остался горный лев – понятие о ягуаре не укладывалось в моей голове» (КК, кн. 8).

… тут я вернулся в обычное состояние осознания … и там завершался другой разговор:

«– Знаю, – терпеливо проговорил дон Хуан. – Достичь состояния воина – очень и очень непросто. Это – революция, переворот в сознании. Одинаковое отношение ко всему, будь то лев, водяные крысы или люди – одно из величайших достижений духа воина. Для этого необходима сила» (КК, кн.

3). …

ГЛАВА 5. МЕЧТА

– Заметь, Карлос, твоя работа происходит в каждом положении точки сборки, независимо от того, осознаешь ты это или нет, – продолжил Висенте. – Мы лишь заложили базовые основы в каждом положении, но основную работу должен провести ты сам.

Я с доном Хуаном пришел в дом Сильвио Мануэля, перед этим дон Хуан сместил мою точку сборки в повышенное осознание, после чего я неожиданно для себя мгновенно задал вопрос.

– Если существует множество положений точки сборки, то означает ли это, что смещение точки сборки является выходом для любого человека?

Присутствующие в комнате Висенте и Сильвио Мануэль переглянулись. Дон Хуан вышел из комнаты, указав мне на них, давая понять, что отвечать придется им.

– Нет никакого смысла в смещении самом по себе, – ответил Висенте. – Смещаясь, ты производишь ту же работу, что и в обычном положении. Причем делаешь ее гораздо хуже, чем там. Чего стоят десятилетия фиксации против секунд, минут и часов? Ты мыслишь в терминах выбора, альтернативы, однако надо мыслить в терминах интеграции.

Я не был так смел с ними как с доном Хуаном и молчал, но Висенте спросил.

– Знаешь ли ты, что такое интеграция?

Мне пришлось ответить, что, насколько мне известно, это слияние контактирующих групп при сохранении группами своей культурной идентичности при объединении в единое сообщество на новом значимом основании.

– Я же антрополог, – протянул я.

Сильвио Мануэль неодобрительно хмыкнул и отвернулся к окну, а Висенте продолжил.

– Интеграция – это увеличение порядка, мерности того, что мы интегрируем. Если подумать, то интегралом квадрата будет куб. Интеграция как бы объединяет разрозненное в единое целое. Интеграл органов человека даст человека.

– Но это невозможно! – не удержался я. – Нельзя увеличить малое.

– Даже в том случае, если большое и было всегда? – контраргументировал Висенте. – Видишь ли, всё существует независимо от того, знаешь ли ты об этом и можешь ли узнать.

Сильвио Мануэль резко встал с кресла, чем напугал меня.

«Он сказал мне, что собирается продемонстрировать практическую интеграцию, и тут же превратился в светящееся яйцо. Затем вернул себе свою нормальную внешность, и повторил эти превращения три или четыре раза. Я отлично понял, что он делает. Ему не понадобилось объяснять мне это, но тем не менее я не мог выразить словами то, что узнал.

Сильвио Мануэль улыбнулся, понимая мои проблемы. Он

сказал, что требуется огромная сила для того, чтобы освободиться от намерения повседневной жизни. Секрет, только что открытый мне, состоит в том, как уходить от такого намерения. Чтобы выполнить то, что он сделал, нужно перенести свое внимание на светящуюся оболочку.

Он еще раз превратился в светящееся яйцо, и тогда мне стало ясно все, что я знал и так. Глаза Сильвио Мануэля на какое-то мгновение сфокусировались на точке второго внимания. Голова его была повернута прямо, но взгляд был несколько скошен в сторону. Он сказал, что воин должен вызвать намерение, а взгляд является ключом. Глаза как бы выманивают намерение». (КК, кн. 6).

Висенте поблагодарил Сильвио Мануэля и продолжил.

– Интегралом тела является светящееся яйцо, кокон, энергетическая сущность человека. Она была всегда, но воспринял ты ее только сейчас, благодаря манипуляциям Сильвио. Изменился не он, а твое восприятие.

Я запутался, но продолжал внимать, надеясь, что новая порция слов что-то прояснит. Но…

– Когда ты смещен в иное положение, ты создаешь изолированный мир, где происходят события даже тогда, когда ты его как бы покидаешь.

Я в изумлении перестал записывать, но Висенте глазами показал, чтобы я продолжал.

– Что-то в тебе остается в этом мире, продолжая работу. И интегрировать означает вспомнить все эти свои части, свя-

зать все эти изолированные мирки воедино.

– Но как я могу это сделать?

– Очевидно тебе придется накопить особую энергию нагуальной природы, которая в дефиците у людей. Намерение, как называем ее мы, не принадлежит обычному человеку, потому что он стремится к фиксации в одном единственном мирке, одном положении точки сборки. А намерением называется энергия снаружи мирков, связывающая их воедино. Она всегда существует, содержит эти мирки и связывает всегда, вопрос в том, чтобы ее осознать, сделав тем самым своей.

Я живо представил себе картину по его словам и поспешил поблагодарить его. Тот вздохнул и покачал головой, а Сильвио Мануэль засмеялся.

– Вот так, пытаясь побыстрее завершить еще не начатое, люди теряют всякую способность к интеграции.

Я смутился и задал первый попавшийся вопрос.

– Что получится, если связать все мирки, которые я населяю?

– С точки зрения простолюдина, ты получишь титул графа, – величественно и басисто объявил Сильвио Мануэль, и все мы засмеялись.

«Меня охватила эйфория.

В конце концов, теперь я получил возможность думать о чем-то таком, что я знал, в действительности не зная.

Я решил использовать свои глаза, чтобы приманить на-

мерение, и сфокусировал их на точке второго внимания. Сильвио Мануэль снова стал светящимся яйцом, но это не относилось к Висенте. Я продолжал перемещать глаза туда и назад между шарами света и людьми, пока не услышал щелчок в основании шеи, и тогда все в комнате, в том числе, я – стали светящимися яйцами. Мгновение мне казалось, что я не смогу их различать, но затем мои глаза как-то приспособились, и я удержал два аспекта намерения, два образа сразу. Я мог видеть и их физические тела, и их светимости. Две сцены не были наложены друг на друга, они существовали отдельно, – и все же я не мог понять – каким образом. У меня как бы сосуществовали два канала зрения, где видение совершалось моими глазами и в то же время было независимо от них. Закрывая глаза, я продолжал видеть светящиеся тела, но уже не видел физических тел.

В какой-то момент у меня возникло острейшее чувство, что я знаю, как перемещать свое внимание на собственную светимость. Я знал также, что стоит мне сфокусировать свои глаза на своем теле, как я возвращусь на физический уровень» (КК, кн. 6).

Дон Хуан вошел и с порога начал объяснение, прекратив мои эксперименты:

– Я вел с тобой диалог воинов в терминах повышения уровня осознания, но уровень осознания является непостоянным, зависит от множества факторов, колеблется. Чтобы зафиксировать достижение нелегкой жизни воина, недоста-

точно повысить уровень осознания, необходимо интегрировать его. В данном случае это означает, что кроме того, чтобы связать все точки фиксации воедино, нужно проторить и зафиксировать связи между ними. Связь между островками фиксации – это нагуаль, и тебе понадобится жизнь на то чтобы зафиксировать его, ибо нагуаль по сути есть дефиксация.

Я записывал, почти не понимая смысла и направления слов, но понимал, что моя энергия заканчивается и нельзя прерываться.

– Открытием новых видящих стал тот факт, что мы накапливаем не осознание, а интегрированное осознание. Именно это позволяет магам перерождаться снова и снова ради того, чтобы полностью проинтегрировать все возможное, превратившись в кристалл интегрированного осознания, который по сути является копией вселенной.

Я не мог верить своим ушам и со стороны, скорее всего, выглядел нелепо, удивляясь и лихорадочно записывая одновременно. Благо, что все понимали, в каком положении я нахожусь, и я понимал, что они это понимают.

Дон Хуан неумолимо продолжал.

– Смерть разрушит всё, кроме интегрального осознания. В этом ключ и секрет: интеграл может быть создан только на условиях бесконечности.

Он как бы передал слово Висенте, и тот, не запнувшись, продолжил:

– Сначала, волей Орла, человеческой матрицей штампует-

ся персона, кокон. В него «случайно» попадает строго определенное количество единичных фракталов из «темного моря осознания», и все это «помещается» на Землю, в питательные, обучающие условия.

Как видим, – тоном школьного учителя говорил он нараспев, – все иерархи задействованы в этом процессе. Орел-Земля-Дух-Сущность создают существо: Двойник-Дубль-Личность-Фантом, тело сновидения.

В кокон человека как и любого вида существ, попадает одно и то же количество фракталов, но по качеству они отличаются. Одни слеплены по 2, другие по 3, некоторые по 1000, какие-то по 1000000. Это определяет стартовый уровень существа. Поэтому все люди рождаются с разным развитием и предназначением. Один в 20 говорить не умеет, другой в три – пишет стихи.

– Но, – поправив воображаемые очки, произнес он и посмотрел мне в глаза, – как вы понимаете, это не заслуга носителя. Заслугой будет приумножение данного ему. Независимо от того, что и сколько дали.

Задача каждого существа осуществить правильную спайку фракталов. Сверхзадача в том, чтобы соединить все данные фракталы в один. «Хотя Орла и не волнуют обстоятельства жизни любого живого существа, каждому из них он сделал дар. По-своему, своими собственными средствами, каждое из них, если пожелает, имеет власть сохранить силу осознания, силу не повиноваться зову смерти и тому, чтобы

быть сожранным. Каждому живому существу была дарована сила, если оно того пожелает, искать проход к свободе и пройти через него». Свобода, она же полное осознание, огонь изнутри, третье внимание.

Висенте замолчал и уже через секунду Сильвио Мануэль, словно они были единым организмом, продолжил.

– Первое движение в направлении интеграции – толтекский перепросмотр. Второе движение в этом направлении – вспоминание, перепроживание. Третье движение – путешествие, «безмолвное знание», нахождение «незасвеченных» «волокон» пространства эманаций и намеренное их засвечивание. Каждый из этих этапов – целая наука, изучение которой может длиться сколько угодно.

Внезапно вошел Хенаро, козырнул мне и продолжил, как ни в чем не бывало:

– Возьмем вспоминание. Ты думаешь как: вспомнил и всё. Но нет. Тебе придется учитывать свои новые знания в повседневной жизни, ты изменишься, твоя судьба изменится. Потому что происходит то, к чему ты не привык: вспоминание не внутри твоей жизни, а снаружи нее. Всё, что ты знал и умел – внутри жизни, а путь Знания изучает вещи, которые снаружи. И каждый думает: а зачем тогда? Да затем, что все равно не минуешь. Тут ведь главное успеть, ха-ха. Смерть будет делать то, чего мы не сделали при жизни. Но не в нашу пользу. Лучше сегодня добровольно, чем завтра под принуждением.

– Или взять третье движение – это видение, когда мы смотрим на человека, то сравниваем его суммарный интегральный опыт с интегральным опытом всех людей за все их жизни. Эта разница дает неожиданную информацию об этом конкретном человеке. Ты узнаешь много нового о себе, своих друзьях и подругах, – Хенаро заговорщицки подмигнул, – и о людях вообще. По сути, видение – это использование интеграла в отношении объекта, чем бы он ни был, человеком ли, проблемой ли, чем угодно.

Я вспотел от стенографии, их глаза сияли, я уважительно зааплодировал, и с каждым звуком хлопка все острое и ясное начало куда-то уходить, меня закружило, и мы стремительно под ручку вышли с доном Хуаном на улицу …

…«Мы шли по Оахаке. Я рассказал дону Хуану, как однажды попал в этот город в базарный день, когда толпы индейцев со всей округи стекаются на рынок торговать продуктами и разными мелочами. Особенно меня заинтересовал продавец лекарственных растений. У него был деревянный лоток, а на лотке – баночки с высушенными и размолотыми травами. Одну баночку он держал в руке и, стоя посреди улицы, громко распевал речитативом довольно занятную песенку. Дон Хуан сказал, что в молодости тоже торговал лекарственными травами на Оахакском базаре. Он еще не забыл свою рекламную песенку и пропел ее мне, и добавил, что часто пел дуэтом со своим другом Висенте.

Я сказал, что познакомился с Висенте во время одной из

поездок в Мексику. Дон Хуан, казалось, был искренне удивлен и попросил меня рассказать об этом подробнее.

Я напомнил, что он сам советовал мне побывать у дона Висенте.

– Какая чушь! – очень выразительно сказал он. – Я тебе говорил, что когда-нибудь, после того, как ты научишься видеть, тебе полезно будет познакомиться с моим другом Висенте. Вот что я говорил. А ты пропустил это мимо ушей.

Я пытался возражать, говоря, что дон Висенте не сделал мне ничего дурного и что я был просто очарован его манерами и добротой.

Дон Хуан покрутил головой и полушутливым тоном выразил свое крайнее изумление по поводу того, что он назвал «хранящим меня везением». Он сказал, что мой «поход» к дону Висенте выглядит примерно так же, как если б я забрался в клетку со львами, вооружившись хворостинкой. Дон Хуан казался возбужденным, хотя я не видел никаких причин для беспокойства. Дон Висенте прекрасный человек. Он выглядел таким хрупким, даже почти эфемерным, наверное из-за странно призрачных глаз. Я спросил дона Хуана, каким образом такой замечательный человек мог быть опасным…» (КК, кн. 2).

Дон Хуан в очередной раз мастерски увел мое внимание в сторону, опасаясь, что вспомнив раньше времени, я окажусь среди пациентов психиатрической лечебницы. Мои записи

он каждый раз изымал при переходе к обыденному осознанию, а затем кое-что сам, а кое-что мы вместе в моем повышенном тщательно отбирали для меня же. Для меня – того, кто погряз в своем маленьком мирке, воображая себя антропологом и живя по сути никчемную жизнь.

Но что-то во мне знало, что у меня есть нечто большее, и я знал, что не будь этого – стоило бы тотчас покончить с собой. Наверное, люди называют это нечто большее, манящее мечтой. Оказывается, она реально существует.

ГЛАВА 6. РАЗГАДКА ТАЙНЫ ДУБЛЯ

Кажется, я залил неподходящее топливо на весьма странной по виду заправке, и машина встала, когда до ближайшего поселения было километров семьдесят. Дон Хуан, сходив в чапараль до ветру, вскользь заметил, что люди подобны этой машине: если сказать им истину кратко, они подумают, что это слишком маленькая истина, и не обратят на нее внимания, но если завуалировать ее среди других красивых слов, то они ее и вовсе не заметят.

Я буркнул, что в таком случае люди хуже машины, потому что не едут в любом случае.

– Верно! – оживился старик. – Но ведь и ты только думаешь, что едешь. На самом деле, ты сидишь на месте!

Я нервно захихикал, потому что обычно такие заходы заканчивались демонстрацией нагуаля и стиркой штанов в ручье. Но на этот раз пока всё обошлось. Дон Хуан подбоченился и, поднеся ладонь ко лбу, с видом первооткрывателя устремил взгляд в окружающую нас степь.

– То, что машина остановилась здесь – явный знак, – доверительно шепнул он. – Мы должны найти место силы и заночевать там.

У меня эта идея не вызвала энтузиазма, но так как аль-

тернативы не было, я нехотя собрал необходимые вещи из машины, запер ее, а затем мы столкнули ее с дороги в кусты.

– Что еще такое, дон Хуан, ты мне хочешь показать? – ныл я, таща тяжелый мешок.

– Не ной. Воин – всегда охотник за силой, а не тогда, когда ему это нравится. Смотри!

Я увидел двух орлов, парящих по кругу, они словно показывали какое-то место. Мы остановились, и в это время орел прокричал свою песню.

– А вот и согласие мира – сказал дон.

Мы двинулись в ту сторону, и я про себя ерничал, что теперь мы найдем тушу мертвого бизона, над которой кружили орлы.

Что могло быть среди равнины? Но подойдя к этому месту, мы увидели каньон, на дне которого был ручей, небольшое озеро и оазис растительности. Каньон совершенно не был виден ни с дороги, ни с того места, откуда нас «позвали» орлы. Орлы гнездовались в стенах каньона, поэтому здесь их было великое множество.

Мы нашли спуск и место недалеко от ручья. Собрав охапку дров, я хотел поджечь их, но дон Хуан не дал мне этого сделать, сказав, что уже не время ланча.

– И поскольку даже невидящему видно, что мальчик заскучал, предлагаю позвать гостей, – торжественно объявил он.

Не дожидаясь моей реакции, он отошел и начал делать ка-

кие-то неимоверные действия.

«Затем он приложил руки ко рту и закричал: «Хенаро! Иди сюда!».

Через секунду дон Хенаро вышел из чапараля. Оба они сияли. Они практически танцевали передо мной.

Со мной было что-то не так. Я не был озадачен, был как будто спокоен, но какое-то невероятное состояние безразличия и оцепенения охватило меня. Казалось, я наблюдал за сценой со стороны.

Они смеялись над моим ошеломленным видом, тыча в меня пальцами и подшучивая, как над пьяным.

Что-то во мне отчаянно боролось, пытаясь превратить все это в знакомую ситуацию. Мне явно хотелось быть озабоченным и испуганным.

В конце концов, плеснув мне в лицо водой, дон Хуан велел сесть и записывать. Он в очередной раз повторил, что если я не буду писать, то умру. Действительно, стоило мне записать первых несколько слов, как я начал приходить в себя. Казалось, что-то вновь становилось кристально ясным. Что-то, мгновение назад бывшее мутным и немым.

– Хенаро прибыл вновь только ради тебя, – сказал дон Хуан» (КК, кн. 4).

Теперь я вспомнил все: я перешел в состояние повышенного осознания, в котором я мыслил четко, помнил многое, что было со мной в аналогичных состояниях. Это был магический я, проблемой которого было лишь то, что «в полночь

карета превращалась в тыкву» и я забывал практически всё, события, людей, озарения, чувства, разговоры. Так будто их и не было. И хотя можно сказать, что это похоже на сон, это не было сном. Со сном роднило только некоторое отрешенное чувство, что не надо грубо касаться всего вокруг, будто мир от этих прикосновений в любую секунду может измениться. В этом мире не было той промозглой тяжести и неизбывности человеческого бытия.

Прочтя мои мысли, дон Хуан отметил, что то чувство сермяжности мира происходит из бесконечной фиксации человека в одном положении точки сборки. Эта неземная усталость делает жизнь среднего человека невыносимой, и он стремится к веселью и развлечениям, чтобы хоть как-то умерить этот нестерпимый груз. Но ключ от тюрьмы лежит не в тюрьме, а снаружи ее. *«Развлечения, придуманные людьми, как бы они при этом ни изощрялись, – всего лишь жалкие потуги забыться, не выходя за пределы порочного круга – питаться, чтобы жить, и жить, чтобы питаться… Как по мне, то не может быть страшнее потери!» (КК, кн. 2).*

Хенаро изобразил человека на вечеринке. Он будто пил из бутылки, и его худое тело раздулось до огромных размеров, мои глаза с такой же скоростью начали скашиваться, затем он упал и покатился как колобок, я видел, как он приминал кусты и траву, и мне стало дурно от этой реалистичности невозможного. Меня попросту стошнило. Дон Хуан отметил, что я полностью подыграл Хенаро в части того, как

человек чувствует себя после вечеринки. Хенаро вернулся и поблагодарил меня за столь щедрый вклад в объяснение магов, указав на блевотину. Хенаро подошел ко мне, я попятился и задрожал, но он голосом ребенка сказал:

– Плости, Каллос, я больше не буду. Смотри, это я, Хенаро. Твой Хенаро! Потрогай меня!

Я не мог успокоиться. Мои мысли путались, я спешил, у меня было тысяча вопросов.

– Не спеши, а то успеешь, – сказал Дон Хуан – Именно из-за спешки и суеты человек жестко зафиксирован в своем положении. Смени озабоченность на безмятежность.

Я расслабился и ощутил то, что он назвал безмятежностью, я был ошеломлен красотой места и ситуации в целом.

«Я обнял дона Хенаро, и мы смеялись, как два ребенка. Он спросил меня, не кажется ли мне странным, что я могу обнять его, тогда как в прошлый раз, когда мы виделись, я был не способен к нему даже прикоснуться. Я заверил, что эти вопросы меня больше не волнуют.

Дон Хуан заметил, что я индульгирую в широкомыслии и хорошем самочувствии.

– Берегись, – сказал он. – Воин всегда настороже. Если ты будешь продолжать быть таким же счастливым, то выпустишь последнюю маленькую силу, которая в тебе еще осталась» (КК, кн. 4).

– Когда воину плохо, он живет так, будто ничего не случилось, а когда воину хорошо, он живет так, будто ничего не

случилось, – сообщил Хенаро.

Я задумался и спросил о значении орлов в жизни воина.

«Дон Хенаро пустился в объяснение устройства того, что он называл «другим миром». Он сказал, что по-настоящему великий маг – это орел, вернее, он может превращаться в орла. Черный маг – «теколот», то есть сова. Он – порождение ночи, поэтому ему наиболее подходят горный лев и другие дикие кошки, а также ночные птицы, и в особенности – сова. «Брухос лирикос» – лирические маги, то есть маги-дилетанты, предпочитают других животных, например, ворону. Дон Хуан засмеялся.

Дон Хенаро повернулся к нему и сказал:

– Правда, Хуан, ты же сам знаешь…

Потом он объяснил, что маг может взять своего ученика с собой в путешествие сквозь десять слоев другого мира. Маг, если он действительно орел, начинает с самого нижнего слоя и последовательно проходит все десять до самого верха. Черные маги и дилетанты способны с огромным трудом добраться лишь до третьего снизу.

Дон Хенаро описал прохождение слоев другого мира так:

– Ты – в самом низу. Вот учитель берет тебя в полет, и скоро – бах – пролетаешь первый слой. Потом – бах – пролетаешь второй. Бах – третий…

Он методически «бахнул» десять раз, проведя меня таким образом сквозь все слои. Когда он закончил, дон Хуан посмотрел на меня и сочувственно улыбнулся» (КК, кн. 2).

– Мы воспринимаем нечто. Первое внимание ориентировано на выживание и поэтому рассматривает нечто с этой, выживательской точки зрения. Вся наша энергия равномерно распределена в нечто таким образом, чтобы воспринимать из всего только две вещи: опасность и пользу для нашего существования. Это взгляд хищника. Этих двух вещей достаточно для выживания, но уже на это затрачивается вся энергия человека. Эту смету нужно пересмотреть в сторону снижения расходов, и, может быть, что-то изменится. Границы первого внимания пролегают там, где заканчивается энергия, но более всего там, где заканчиваются опасность и польза. Выбрав все полезное и отгородившись стульями от всего опасного, человек успокаивается, и его поиск прекращается вместе со смыслом его жизни. Чтобы продолжить поиск, необходимо иметь другие цели кроме выживания и благополучия. Часто это означает, что нужно делать опасные и бесполезные с точки зрения первого внимания вещи.

– То что мы делаем сегодня, например, никак не связано с выживанием, – констатировал он и продолжил. – С точки зрения новых видящих, первое внимание – это точка сборки, зафиксированная в определенном месте. Причем эта фиксация возникает уже до рождения. Именно фиксация такого рода и образует тело, в котором мы живем затем всю оставшуюся жизнь. Таким образом, отрыв свечения от эманаций означает смерть существа. К примеру, обморок – это очень временный отрыв свечения от эманаций. Очевидно, что пе-

ремещение точки сборки живого человека возможно лишь в том случае, когда свечение осознания в достаточной мере продолжает освещать родные эманации, а для полноценного перемещения человек должен обладать удвоенной светимостью осознания. Запомни это, – сухо приказал он.

Затем он заставил меня глубоко и часто дышать, а после задержать дыхание после глубокого вдоха, прогнувшись назад и расслабившись. Он поддерживал мое тело со спины…

… Я бежал по тропическому лесу. Это было испытание в условиях, на 90% приближенных к боевым. Испытание на выбывание. Была группа воинов, и нас осталось человек пять. Следующей задачей было спрятаться под водой от преследователей, задача которых было найти нас, копьями протыкая воду. У нас не было времени на обдумывание, помню, что после догадался, что можно было «сжулить», прихватив под воду пустотелое растение или ножны (хотя у нас не было ножен). И вот я прыгнул под воду и забился как можно плотнее под крутизну берега, придерживаясь от всплытия за естественный выступ. Водоем был мелкий и мутный, надо мной было сантиметров 50 воды. Набрал воздуха, не особо на этом заостряясь, так как по моим оперативным прикидкам сидеть все равно минут 5–7, хоть дыши, хоть не дыши. Я осознавал, что такие мысли как «Минут 5–7, сантиметров 50 воды», все это оценочные пост-интерпретации моего современного разума.

Я затаился, чтобы вода надо мной успокоилась, и смотрел

на ситуацию, как если б я был одним из тех, что с копьями – как долго мне предстоит лежать. Это отвлекло меня от телесных переживаний, заметив это, я продолжил смотреть их глазами, и хотя переживания тела прорывались, пришлось задействовать всю свою волю, чтобы не вдохнуть воду: парадоксально, но я боролся за жизнь с жизненным инстинктом. Тем временем я слышал преследователей, чуял, как копья пронзают воду вблизи моего тела. Но не давал себе выбора, решение было единственным и окончательным. Тут я достиг места без жалости, и время остановилось.

Когда я, наконец, вышел из воды, никого не было, пошел дальше один. Неподалеку на меня из кустов напали четверо вооруженных людей, и я без труда порубил их в капусту. Осмотрев их укрытие, понял, что эти люди случайно попали на полигон. Там же была девочка. Мне было все равно, убить ее или нет, тем более, я должен был это сделать, как позже интерпретировал – чтобы не оставлять свидетеля, мстителя. Но я этого не сделал, не знаю почему.

…

Я минут через 5 только и вспомнил, где я и кто я, оказавшись в каньоне. Хенаро жег костер. Я задыхался от восторга, удивления и страха.

– Что это было?! – вскрикнул я.

«– Это была бука – равнодушно сказал дон Хенаро.

А дон Хуан серьезно сообщил:

– Это была твоя память. – Этого не было в моей жиз-

ни, – сказал я. – Правильно, – сказал он. – Это было нечто иное. – Было ли это чем-то таким, что я увижу в будущем? – Будущего нет, – воскликнул он отрывисто. – Будущее – это только способ разговаривать. Для мага есть только здесь и сейчас. Я спросил дона Хуана, были ли чувства, которые я испытывал там, тоже частью моей памяти. – Мы входим в эти точки зрения такими, каковы мы сегодня, – сказал он. – Ты видел эти сцены так, как ты видел бы их сегодня, но упражнение это было упражнением восприятия. Он не захотел обсуждать содержание сцены. Он сказал, что об этом, в сущности, нечего сказать, потому что целью упражнения было развернуть крылья моего восприятия. И что хотя я и не полетал на этих крыльях, тем не менее, коснулся четырех точек, которых было бы немыслимо достичь с точки зрения обычного восприятия» (КК, кн. 4).

– Важно здесь то, что ты пережил это, теперь это твое вспоминание. Оно содержалось в твоем светящемся теле. И вспомнив, ты проинтегрировал его. Если смотреть с точки зрения смертного человека, то умирает он не весь, а кое-что остается – интеграл осознания. Это вспоминание не было разрушено смертью, значит, оно тебе годится. И вот если бы ты остался тем человеком там, то мог сказать бы, что смерть уничтожит всё, касаемо имён, дат, географических положений, наций и т.д. Даже, возможно, планета может быть другой, а ты можешь не быть именно человеком – остаются лишь

чистые кристаллы интегрального осознания.

Важно здесь то, что имея опыт, ты сказал бы, что ощутил сдвоенность переживания так, словно ты уже делал всё это. Перепроживание и указывает на то, что это было именно вспоминание, а не путешествие.

– Постой, дон Хуан, я совершенно запутался в терминах.

– Ничего, всё когда-то встанет на места, – ответил он и пояснил, – путешествие – это когда твоя светимость занимает другую бороздку осознания впервые. Многие вещи, подобно описанной, чаще переживаются заново, от первого лица, но иногда и от третьего лица. В нас так много всего!

Он толкнул меня плечом и сообщил.

– Та девочка, которую ты оставил жить. Теперь она твой злейший враг где-то неподалеку. Уже тогда, когда ты был тем воином, ты напялил на свою безжалостность маску великодушия. Тебе лучше попросить прощения, не потому что тебе жаль, а потому что в твоей светимости не должно быть ненависти, ни твоей, ни чужой.

Во мне не было ненависти ни тогда, ни сейчас, но я от души попросил прощения у всех, кому причинил страдания.

– Извинения нужны не им. Это тебе нужно освободиться от всего, тяготящего твой дух.

Мы долго молчали. Хенаро насвистывал грустную мелодию. Я не мог вместить великолепия звездного неба, которое из каньона было таким близким и таким далеким одновременно.

Через час-другой, я прервал молчание, выразив удивление, что повышенное осознание сохранилось в тот момент, когда я смещал точку сборки.

– Я уже говорил тебе, что повышенное осознание является стартовым для любого значимого смещения, поскольку первое внимание безнадежно испорчено намерением людей. Если уж говорить в терминах первого и второго вниманий, повышенное осознание – это полуторное внимание, подобное ленте мебиуса, еще оно называется сновидением-наяву. Магия возможна только в этом состоянии.

Продолжим говорить о стратегии пути воина в терминах удвоения энергии светимости осознания. Как и все в нашем мире, удвоение чего-то начинается с экономии ради прироста. В этом, собственно, и заключается путь воина, все его практики и принципы, которые косвенным способом осуществляют этот прирост. Наиболее прямым способом прироста является практика сновидения: выведение и фиксация части светимости осознания за границы фиксации. Чтобы вывести что-то за пределы, нужно это что-то иметь, а значит, у тебя должна оставаться «лишняя» энергия, которая не задействована в выживании, благополучии и индульгировании. Как и любая мышца, эта способность развивается при тренировке. Если «лишняя» энергия охватывает ум, то получится умственное смещение и умственное же сновидение. Если охватывает тело, то реальное, телесное смещение. Если же осознанием охвачена вся энергетическая сущность, то

это называется окончательным путешествием, полным смещением точки сборки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.